

МАКСИМ
ГОРЬКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

М Горький

Максим Горький

По поводу одной полемики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2451955

Аннотация

«В среде писателей Франции жарко разгорается полемика по вопросу о том, как надобно писать...»

Содержание

Максим Горький

По поводу одной полемики

1

В среде писателей Франции жарко разгорается полемика по вопросу о том, как надобно писать. Вопрос очень серьёзный, хорошо знакомый нам и тоже не решённый у нас, как об этом свидетельствует многословная полемика по поводу романа Ильенкова² «Ведущая ось». Во Франции спор поднят книгой Анри Пулайля «Хлеб насущный». Критики утверждают, что роман Пулайля написан плохо. Сам Пулайль возражает против этого, и одно из его возражений сводится к тому, что книги такого мастера слова, как, примерно, Густав Флобер, уже невозможно читать, не прибегая к помощи словаря. Не решаюсь судить, насколько это возражение солидно, но думаю, что его можно отнести только к таким книгам Флобера, как ядовитое «Искушение святого Антония», этот поразительно мощный, направленный против церкви и религии удар в колокол скептицизма. Возможно, что помо-

¹ Впервые напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1932, номер 116 от 26 апреля. // Включалось во все издания сборника статей М. Горького «О литературе». // Печатается по тексту второго издания указанного сборника, сверенному с авторизованной машинописью (Архив А. М. Горького)

² ...полемика по поводу романа Ильенкова... – Роман В. Ильенкова «Ведущая ось» впервые был напечатан в журнале «Октябрь», 1931, книги 10–12, октябрь–декабрь. Отзыв А. С. Серафимовича об этом романе – «Живой завод «впечатления» – напечатан в газете «Правда», 1932, номер 51 от 21 февраля.

щи словаря требует «Саламбо», и несомненно, что эта книга требует знания истории. Но по русским переводам романов «Мадам Бовари», «Воспитание чувств», «Бувар и Пекгоше», рассказа «Простое сердце» трудно представить, чтоб эти монументальные построения простых, прозрачно ясных и в то же время несокрушимо крепко спаянных слов потеряли уже своё неоспоримое технически поучительное значение. Мне кажется, что возражение Пулайля и его сторонников сводится, в основном и скрытом своем смысле, к защите права работать плохо.

Героиня романа Ильенкова – «ведущая ось» – лопнула именно потому, что материал её был обработан плохо. Я говорю не о романе, а – о некоторой части паровоза, намеренно сделанной из плохого материала. Ильенков – человек талантливый, и, я думаю, его нельзя подозревать в том, что он своим романом пытается утвердить право пролетарских писателей обрабатывать материал их впечатлений небрежно, поспешно, кое-как, лишь бы поскорее «сработать» и увенчать пролетарское чело венком славы.

Ильенков, бесспорно, талантлив, но ему, видимо, свойствен недостаток, общий почти всем пролетарским писателям, – недостаток знаний. Если я не ошибаюсь, причиной этого недостатка служит слабо развитое желание приобрести и расширять запас знаний. Затем, недостаток этот вынуждает наших литераторов хвастаться наличным, ничтожным запасом поверхностных, непродуманных наблюдений,

и, хвастаясь, они весьма часто пишут чепуху. Вот, например, в романе Ильенкова «археологи выгребают из глины остатки мамонтов, песцов и северных оленей». Надобно всё-таки знать, что «выгребание из глины остатков» доисторических животных не является специальностью археологов, а песец – хищное животное, рода собак, семейства лисиц, – к доисторическим животным едва ли относится. Далее Ильенков пишет: «волшебники добывают по рецептам алхимии золото». «Волшебники» – создание фантазии – вошли в мир наших представлений задолго до того, как в действительности явились алхимики, и, значит, волшебники не могли пользоваться рецептами, которые не существовали, да и вообще не нуждались в рецептах добычи золота. «Песок, нанесённый тысячами и водой», – это тоже «пыль эрудиции», пущенная Ильенковым в глаза читателя; союзом «и» автор разъединил одновременность действия времени и воды, вода у него действует как будто вне времени и независимо от него. Таких фактов хвастовства дешёвенькой «эрудицией», неосторожно выщипанной из книжек, у Ильенкова немало, и они не украшают его роман.

Не очень заботится Ильенков о достижении своеобразия «стиля» своего романа. Ценность его «словотворчества» весьма сомнительна. «Взбрыкнул, трушились, встопорщил, грякнул, буруздил» и десятки таких плохо выдуманных словечек, всё это – даже не мякина, не солома, а вредный сорняк, и есть опасность, что семена его дадут обильные всходы,

засоряют наш богатый, сочный, крепкий литературный язык. Автор может возразить: «Такие слова – говорят, я их слышал!» Мало ли что и мало ли как говорят в нашей огромной стране, – литератор должен уметь отобрать для работы изображения словом наиболее живучие, чёткие, простые и ясные слова. Литератор не обязан считать пошлость и глупость героев своей собственностью, точно так же не обязан он пользоваться искажённым языком героев для своих описаний, он пользуется этим языком только для характеристики людей. Спора нет – мы живём в стране, где всё – и язык – обновляется, совершенствуется, и смешно и неловко встречать такие соединения слов, как, примерно: «хлынул аккорд», «взнуздать арканом мысли», «лицо перечёркнуто хмурью», «сосмурыженные сапогами проходы» и подобные нелепые словосочетания, ничего не говорящие «ни уму, ни сердцу». Попытки писать образно приводят Ильенкова к таким эффектам: «Тележкин, прямой, как кол, воткнулся головой в потолок». Бежит человек, – «обгоняя его, будто оторванная ветром, по воздуху летела его собственная, мёртвенно-жёлтая нога». Автор хотел сделать «страшно», а сделал смешно. И так как человек бежал ночью, в «предгрозовой тьме», – он едва ли мог видеть цвет своей ноги. Все такие форсистые штучки Ильенкова очень вредят его роману.

Я только по книгам знаю быт и среду, изображению которых посвящён роман «Ведущая ось», – я, конечно, не считаю себя вправе говорить о содержании романа, критиковать

взаимоотношения героев его. Быт различных классов Европы я знаю тоже только по книгам. Но Гамсун, Бальзак, Золя, Мопассан, Диккенс, Гарди и другие литераторы Европы крайне редко возбуждают у меня, читателя, сомнения в точности изображения ими событий, характеров, логики чувства и мысли. Ильенков не всегда внушает доверие к фактам, которые он преподносит мне. Например, один из героев его романа, Зайцев, среди 16 тысяч рабочих нашёл только троих, которые «думают над машиной», то есть стараются изучить, понять машину, сделать её покорной своей человеческой воле. Только трое? Мне кажется, что этого мало на 16 тысяч «особенных, неповторимых жизней, связанных в один крепкий узел движением металла от станка к станку», – как сказано Ильенковым, – мало для страны, в которой столь широко развито рабочее изобретательство.

Людей автор изображает приёмами слишком упрощёнными, а потому изображает не очень убедительно. Некоторые фигуры его романа вызывают недоумение. Например, Сергей Векшин. Но и в этом характере есть нечто, чему не верится: на экране кино упал Чарли Чаплин; смешно падать и вообще смешно жить – это профессия Чаплина, этим он завоевал всемирную славу. Чаплин упал, зрители смеются. Но хотя лицо Чаплина «невозмутимо, ни боли, ни озлобления, ни тоски», – Векшин возмущён, ему «нужно было обязательно знать, почему люди смеются, если человек расшибся о мостовую?» Человек не расшибся, но Векшин обнаружива-

ет странную чувствительность сентиментальной барышни и скандалит, ругается: «Сволочи! Почему смеётесь?» Я уверен, что сам Векшин всегда смеялся и смеётся, когда видел и видит, что человек падает, в этом случае редкие не смеются: акт падения почти всегда комичен, особенно же если падает толстый человек. В дальнейшем, на всём протяжении романа, Векшин этой чувствительности не обнаруживает, да и вообще кажется лишним человеком в романе. Фигуры старых рабочих сделаны Ильенковым значительно более яркими, чем фигуры молодых, – вероятно, это потому, что комсомол не играет заметной роли в работе «ведущей оси». Мне кажется, что в этом случае Ильенков допустил некоторое противоречие с действительностью и что механическая роль «ведущей оси» как части паровоза чрезмерно затушевала работу политической ведущей оси. Хотя возможно, что я не прав, ибо не совсем ясно, в какие годы развивается действие романа. Очевидно – не в наши дни, ибо на заводе отсутствуют: процессы соцсоревнования, ударники и ещё многое, характерное для последних четырёх лет.

Молодой рабочий Зайцев – слабоволен и опрокинут в первой же стычке с действительностью. Молодой спец Платов в сцене с Векшиным рассуждает далеко не так, как следовало бы рассуждать революционеру. Самое ценное, что догадался сказать Платов, это: «Заниматься теориями об усталости – политически вредно». Очень уместные слова в книге, где показаны усталые люди. Всё это, разумеется, только мои

впечатления – впечатления старого читателя.

Ильенков – реалист, и очень строгий. Он любит и умеет подчеркнуть некоторые детали нашей действительности, например: «Двухлетний толстяк сидел на тропке и тянул в рот засохший свиной кал». Не знаю, насколько этот жанр характерен для наших дней. «Человек посмотрел на небо и расстегнул штаны», – описывает Ильенков «ожесточённого» Жарова. Очень слабо оправдан чахоточный Носов, разрушающий граммофон и весь свой «уют», накопленный годами труда. Люди его типа не отказываются от уюта так легко, как об этом рассказал Ильенков.

О положительном значении романа Ильенкова я не буду говорить, повторю только, что автор – человек, несомненно, талантливый. Но совершенно необходимо, чтоб он относился к работе своей более серьёзно, вдумчиво, не форсил «образность», не искажал языка. На мой взгляд, роман Ильенкова чрезмерно расхвален группой литераторов во главе с А. С. Серафимовичем, и можно опасаться, что эта чрезмерная похвала не принесёт пользы автору «Ведущей оси». Эта словесная ось построена из хорошего материала, но – недостаточно хорошо, и потому она компрометирует материал.

Здесь уместно будет отметить очень вредное явление, нередкое у нас. Молодой человек написал книгу, доброжелательные его товарищи, прочитав эту книгу недостаточно внимательно, усердно и громко хвалят, кричат: «Ах, как талантлив!» Окрылённый хвалою автор загибает хвост на спи-

ну, ходит по земле львом и, считая, что «всё, что мог, он уже совершил»³, ничему не учится, жаждет дальнейших опьянений похвалами. Но его недели три возносят, а затем вдруг и сбросят с высоты, на которую неожиданно подняли. Обычно он не вдумывается, за что его вознесли, и не понимает, за что свергли. Ошеломлённый, обиженный до иступления, он пишет кому-нибудь отчаянные письма, в которых его мелкое самолюбие обнаруживает его социальную и литературную малограмотность, а также его неспособность понять глубочайшее значение литературной работы в нашей стране, в наших условиях. Часто бывает, что автора поднимают и сбрасывают по соображениям узко групповых интересов, не имеющих почти ничего общего с прямой, культурно-революционной линией литературы. Это очень плохо и, как всё плохое, совершенно не нужно. Авторы, несправедливо возвеличенных и затем низвергнутых, у нас накопилось уже немало, и многие из них «отравляют атмосферу» визгом и скрипом оскорблённых самолюбий.

Полемизируя с Анри Пулайлем, Гехенно заявил: «Если вы не можете писать хорошо, – не пишите вовсе». Это, разумеется, слишком строго сказано, и сказано человеком, которому не ясны, а может быть, и совершенно чужды революционный смысл и культурная цель пролетарской литера-

³ ... «всё, что мог, он уже совершил»... – изменённая строка из стихотворения Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда». У Некрасова: «Всё, что мог, ты уже совершил...».

туры. Совет, в котором нуждается пролетарский литератор, звучит иначе: товарищ, вы обязаны учиться и научиться писать книги прекрасно, это – ваш долг пред вашим классом! Советский день, судя по советской прессе, судя по письмам рабочих-ударников, по работе изобретателей, по неисчислимой массе очевидных, реальных фактов строительства нового мира, – советский день громогласно, на весь мир поёт о гигантской, героической, талантливой работе вашего класса, поёт о человеке-герое, которого рождает коллективный героизм класса. Эта грандиозная работа, этот герой всё ещё не отражается в литературе, не находит в ней достойного изображения. Если изобразить героя эпохи в освещении, которое он заслужил, вам мешают приёмы реализма, ищите других приёмов, вырабатывайте их. Факт – ещё не вся правда, он – только сырьё, из которого следует выплавить, извлечь настоящую правду искусства. Нельзя жарить курицу вместе с перьями, а преклонение пред фактом ведёт именно к тому, что у нас смешивают случайное и несущественное с коренным и типическим. Нужно научиться выщипывать несущественное оперение факта, нужно уметь извлекать из факта смысл. Неглупый рабочий Андрюшкин видит, что ребёнок «тащит в рот свиной кал», было бы естественно, если б, придя домой, он, рабочий, сказал бездельнице жене своей: «Дурёха, займись делом!»

Темп нашей жизни не оправдывает работы наспех, как-нибудь, лишь бы поскорее сделать. Проповедь опрощения

работы литератора может привести только к бездушному натурализму, к мёртвой фотографии той всемогущей работы, которая возрождает мир трудящихся, освобождает его от векового рабства быта и мысли. Проповедь опрощения может обратиться в привычку всё опрощать, может узаконить постыдный обычай небрежной работы, не достойной материала, искажающей его.

В миропонимание пролетария всё ещё вторгаются идеи, враждебные ему. У нас, например, была возможна проповедь необходимости «организованного понижения культуры». Отголоски этой теории ещё не замерли в шуме строительства, и стремление к опрощению в литературе – один из таких отголосков антипролетарской, антикультурной ереси. Между опрощением и простотой есть существенная разница, её можно выразить так: опрощение – это искусственность и, значит, фальшь, а простота – подлинное искусство. Правда будущего – проста и ясна. Литератор-пролетарий должен ставить целью своей именно простоту, ясность, чёткость. Он работает на завтрашний день, и его книги скоро начнут читать пионеры, октябрята – хозяева завтрашнего дня. Следует помнить, что литератор ответствен пред поколением, которое идёт на смену ему. Чувство ответственности пред завтрашним днём у нас развито слабо, и этим объясняется очень многое плохое, что давно уже пора бы уничтожить.